

13. Play the City. — URL: <http://www.playthecity.nl/> . (дата обращения 10.10.2014)
14. TReC — The Responsive City. — URL: <http://www.theresponsivecity.org/why/> . (дата обращения 10.10.2014)
15. Городской портал Якутска One Click Yakutsk. — URL: <http://www.oneclickyakutsk.ru/> . (дата обращения 16.10.2014)
16. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов/ The Death and Life of Great American Cities / пер. Леонид Мотылев. - М.: Новое издательство, 2011. — С.460.
17. Leon Cruickshank. Open design and innovation. — Dorchester: Dorset Press, 2014. — P.190.
18. Быстрова Т. Ю. Вещь. Форма. Стиль: Введение в философию дизайна. — Е.: Издательство Уральского университета, 2001. — 288 с.

ЭПОХА ПЛАНИРОВАНИЯ: СОВЕТСКИЙ ВАРИАНТ

Журавлева Н. И.

*Уральский Федеральный Университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург*

Ключевые слова: индустриализация, урбанизация, градостроительная стратегия, архитектурный проект

Архитектурный облик российских городов во многом определен советской застройкой. Овеществляющие историю страны "сталинские" кварталы, безликие "хрущевки" и "брежневки", многоэтажки 80-х не похожи друг на друга, но даже став частью современного городского пространства, они сохранили принадлежность к теперь уже иной культурной эпохе, остались свидетельством ее смыслов, стратегий и устремлений.

В современной урбанистике устоялось мнение, что специфика советского градостроительства заключается в игнорировании проблемы городской среды и чаяний горожан в пользу умозрительного и тотального планирования, обусловленного стремлением к контролю и надзору за гражданами, коим одержимы все тоталитарные системы. Концепт "тоталитаризм" весьма удобен. Во-первых, он позволяет увидеть внутреннюю целостность разнородных проявлений советской архитектурной мысли - целостность, сформировавшуюся не на основе отсутствующего единства формообразующих элементов, а в навязчивом желании создать иллюзорную реальность советского мифа. Во-вторых, представление о внехудожественной природе советской архитектуры помещает ее в более широкий контекст тоталитарного искусства, и предлагает увидеть смысловые параллели с нацистским "неоклассицизмом" или итальянским зодчеством времен Муссолини. [4] "Тоталитарная архитектура" - это, прежде всего, архитектура сталинского периода, но присущая ей идея надзора парадоксальным образом вдохновляла советских архитекторов на протяжении всего периода существования страны, и значит можно говорить о единой советской градостроительной стратегии и противопоставлять характерную для нее практику директивного планирования принципиально иной, гуманистической парадигме, сформировавшейся в рамках западных архитектурных исканий.

Но эта популярная точка зрения уже не покажется такой убедительной, как только наш интерес к проблеме сместится из сферы идеологии в более широкую область культурной динамики. Смена масштаба позволяет заметить сходство урбанистических процессов, происходящих в СССР и других индустриальных странах, а сравнительный анализ градостроительных концепций обнаружить неожиданные, но вполне закономерные совпадения.

Двадцатый век был апогеем индустриальной цивилизации. В результате промышленной революции главным источником занятости стали фабрики и заводы, что вызвало массовый приток населения в города. Социальные, демографические и антропологические следствия этого процесса послужили

драйвером культурной модернизации и привели к новому типу урбанизма. Градостроительная стратегия этой эпохи - планирование соответствовала и "ургийной", если воспользоваться термином Г.Д. Гачева, природе новосозданных городов, и технологической сложности производства, и требованию научной рациональности. Урбанистический опыт СССР, при всей его специфичности, можно рассматривать как один из ее вариантов.

Индустриализация советской страны потребовала мобилизации и больших трудовых ресурсов, а перед архитекторами и проектировщиками встала сложная задача - реконструкция уже существующих городов и строительство новых. И если социалистическое переустройство небольших уездных городов происходило при помощи средств скорее символических, например, постепенного сноса культовых зданий, то промышленные центры и новые индустриальные районы, где было необходимо поселить занятых в производстве людей, стали пространством сосуществования грандиозных градостроительных планов, передовых идей и вполне суровой реальности в виде рабочих бараков и даже землянок.

Краткий период увлечения архитектурным авангардом был временем прямых контактов советских и зарубежных специалистов. Неоднократные визиты Ле Корбюзье и приезд представителей немецкого Баухауза способствовали продвижению революционных градостроительных проектов в стране переживающей социальную и индустриальную революцию. Отношение к советскому конструктивизму у современных исследователей колеблется от восторженного до весьма прохладного: поклонники очарованы новизной и концептуальностью архитектурного решения, критики отвергают саму идеологию проекта, воплощающего утопию коммунального быта. [4] Конструктивизм, вопреки, казалось бы, обоснованному ожиданию, так и не стал главным архитектурным стилем — предложенная им застройка городов не приобрела массового характера, а уже вскоре произошел радикальный разворот советской культуры от авангарда к традиционализму.

Считается, что архитектуру этого периода определяли личные вкусовые предпочтения вождя, а не рефлексия профес-

сионалов, поэтому особенности "стиля Сталин" не поддаются описанию - они легко узнаются, но при этом совершенно неспецифичны. Стилистические основания "сталинской архитектуры" различны - арт-деко, неоклассицизм, бозар. Но некоторая эклектичность застройки не очевидна для специалиста - целостность восприятия определяется классицистской, рациональной по своей сути, эстетикой архитектурного ансамбля. Четкая планировка улиц, классический декор и колоннады симметрично расположенных зданий формируют типичный облик центральной части многих советских городов. Но если комплексный подход к застройке и городскому благоустройству, свойственный проектам этого времени сам по себе не вызывает критических оценок, то скрытая за ним стратегия власти - напротив. Разоблаченная современными исследователями, она обнаруживает свою садистическую ригидность в пристрастии к гипподамовой системе, фальшь и лицемерие в показной роскоши фасадов, самообожествление в монументализме административных и общественных зданий.

В этом контексте довольно неожиданно выглядит градостроительная практика, сложившаяся в европейских странах и США к концу 19 века и определившая архитектурную моду вплоть до Второй мировой войны. Здесь те же арт-деко и неоклассицизм, и величественный бозар. Здесь нашлось место и пресловутой гипподамовой системе. "В 19 веке, по мере заселения западной части страны и разрастания существующих городов, именно сетка стала главной американской градостроительной моделью". [1, с.47] Здесь с непревзойденным торжеством воплотилась идея "монументального города". "Для первых четырех десятилетий XX века характерно поистине безудержное распространение коммерческих монументов: отелей и жилых домов в форме замков, вокзалов в стиле римских терм, универмагов, напоминающих флорентийские палаццо, и, конечно, самых заметных городских построек - небоскребов" [1, с.241] - свидетельствует американский архитектор и исследователь В. Рыбчинский. Это не случайное сходство отдельных деталей - в основе западной градостроительной эстетики все та же классическая гармоническая

красота, регулярная застройка и стилистическая целостность. Вдохновившая американских архитекторов концепция "гражданского искусства" Ч.М. Робинсона, классицистская по своему внутреннему духу, питалась чаяниями общества, еще не утратившего иллюзий Просвещения. Идея "красивого города" причудливо совпала с представлениями советского вождя об образцовом советском городе - хорошо спланированном, воплощающем величественность, красоту и оптимизм.

Но сталинская архитектура не решала главной, поставленной временем, задачи, если все-таки не считать таковой овеществление дискурса власти, - стране требовалось массовое строительство дешевого жилья. Это было осуществлено при помощи типовой застройки, развернувшейся в 60-е годы. "Хрущевка" (дом Лагутенко) стала своего рода символом убогого советского быта сейчас и урбанистического прорыва тогда. Отдельная квартира, рассчитанная на одну семью без прислуги - новый тип городского жилища, отражающий важные социальные и демографические сдвиги, происходящие в эпоху модерности. Появление такого жилья в Советском Союзе позволило повысить стандарты жизни городского населения. Лишенные внешнего декора и тесные внутри здания, пришедшие на смену просторным "сталинкам", обживались людьми, зачастую совсем не имевшими до этого приватного пространства. К сожалению, малометражность - одно из простых и потому неизбежных решений, всегда актуальное, как в случае социального жилья, так и в условиях высокой рыночной стоимости жилой недвижимости, установившейся в плотно заселенных мегаполисах. Так современная английская исследовательница, архитектор Кэролин Стил сетует: "Хуже всего, британские нормы жилой площади на человека постоянно уменьшаются. Даже в новых семейных домах кухни зачастую настолько малы, что туда не вмещается самое необходимое оборудование вроде холодильника и стиральной машины, не говоря уж об обеденном столе. Средние цифры по десяти районам Лондона показывают: рекомендуемый минимальный размер кухни для жилья с тремя спальнями составляет всего 6,5 квадратных метров." [2, с.264]

Индустриальный масштаб застройки обострил еще одну градостроительную проблему, хорошо знакомую динамично развивающимся промышленным городам. Существование города как единого организма оказалось под угрозой в следствии его разрастания, расползания, вызванного постоянным притоком населения. Появление новых микрорайонов стало серьезным препятствием для реализации целостного архитектурного замысла и оптимальных решений в сфере инфраструктуры. Свою роль в этом сыграло и ведомственное финансирование строительства. Неактуальное на первый взгляд в советском градостроительстве противоречие государственных проектов и интересов частных инвесторов, тем не менее, существовало в специфической для советской системы форме. Размещение предприятий и возведение ведомственного жилья происходило зачастую без учета уже сложившихся реалий и проектов развития города.

Архитектурный облик новых микрорайонов соответствовал, чаще всего, общим градостроительным тенденциям своего времени. В период "сталинской архитектуры" это легко узнаваемый ансамбль с символическим центром - площадью перед проходной завода или Дворца культуры, ведущей к ней главной улицей, постепенным понижением этажности по мере удаления от центральной оси, парком и стадионом. Ансамблевая застройка формировала автономную среду "города в городе", способствуя обособлению районов крупных промышленных центров. По мере своего развития такие микрорайоны претерпевали те же трансформации, что и советские города в целом - стихийная застройка, появление типового жилья и новых архитектурных доминант разрушали первоначальный проектный замысел, создавая естественную "складчатую ткань" урбанистического пространства.

К концу 60-х годов актуализировалась проблема градостроительной стратегии, выбор которой определял, помимо собственно архитектурных или экономических решений, возможные направления развития городской среды. Концепция "вертикального города", основанная на идеях Ле Корбюзье и города "горизонтального", вдохновленная "городом широких горизонтов" Ф.Л. Райта, предлагающие прямо противо-

положные пути развития городского пространства, получили свое отражение и в советской градостроительной практике. Это сказалось, прежде всего, на архитектурном облике пригородов и новых микрорайонов. Разрастание города вширь часто происходит за счет близлежащих деревень и рабочих поселков, застроенных одноэтажным "частным сектором", но было и "встречное движение". Традиционная для российских городов усадебная застройка, сохраняющая свою доминирующую роль в малых городах, оставалась наименее затратным для государства способом решить жилищную проблему силами самих "частников", строящих дома с приусадебными участками на постоянно отодвигающейся городской окраине. Эта тенденция развития города, естественная и, скорее, стихийная, имела мало общего с новаторскими идеями Райта, прежде всего, в силу отсутствия необходимой инфраструктуры. Тем не менее, сама она была симптомом неких универсальных процессов, связанных с расширением не только городского пространства, но и самой городской цивилизации.

Гораздо более ощутимым оказалось влияние некогда отвергнутых архитектурных проектов Ле Корбюзье. Массовое строительство многоквартирных домов, привело к появлению "многоэтажной окраины" - "спальных микрорайонов", отдельно стоящих "комплексов" и даже целых моногородов, основанных в это время. Популярность идей Корбюзье нередко объясняют их совпадением с "генетическим кодом" советской системы - пространство "Лучезарного города" упорядочено, логично, функционально и, конечно, спланировано, это - "практичный город". Однако во всем мире - Азии, Европе и Америках концепция Корбюзье оказалась не менее востребованной при проектировании муниципального жилья, активно строившегося в крупных городах. Позволяя быстрым и экономным (по отношению к пространству и экономическим затратам) способом решить, хотя бы частично, проблему расселения рабочих, выстроенные в ряд многоквартирные коробки, породили новые проблемы, очень похожие во всех странах. Одна из них - превращение некогда современных и перспективных районов в небезопасные городские анклавы.

Кризис городов, наметившийся в развитых странах, прежде всего США, уже в 70-е был вызван начавшейся деиндустриализацией - процессом, затронувшем СССР на два десятилетия позже и ставшим не причиной, а результатом трансформации страны, пережившей распад. При всем различии ситуации некоторые проблемы снова оказались общими. Стремительного массового оттока населения мегаполисов в пригороды не произошло, скорее, наоборот, оно приросло за счет жителей депрессивных моногородов. Приоритетным стало строительство не социального, а коммерческого жилья. Увеличение жилой площади на человека несколько снизило плотность населения, но увеличило плотность застройки. Последнему способствовала высокая стоимость земли в центральных районах, вследствие чего город лишился большей части малоэтажной исторической застройки в обмен на огромные торговые и офисные центры, а изначальная ансамблевая целостность отдельных кварталов оказалась разрушенной точечным строительством. Физический облик крупных российских городов стремительно изменился, агентами происходящих изменений стали торговцы и бизнесмены, пришедшие на смену планировщикам и архитекторам. Закономерный характер этих процессов обусловлен вовсе не отказом от советской практики директивного планирования в пользу сформировавшейся на западе "гуманистической градостроительной парадигмы". Россия не "вошла в европейскую цивилизацию", а, как и многие страны, вступила в новый цивилизационный этап.

Торжество "эпохи потребления" не могло не сказаться на стратегиях градостроительства. "Если в истории американского урбанизма первая половина XX века - время "красивого города", "пригородов - садов" и благоустройства - это эпоха планирования, то с начала 1970-х годов начинается эпоха рынка" [1, с.105] - делает вывод Рыбчинский. Это справедливо, со всеми временными коррективами, и по отношению к нашей стране. Постиндустриальная эпоха предполагает новый тип урбанизма, новые проблемы и, возможно, принципиально новые пути их разрешения.

Литература

1. Рыбчинский В. Городской конструктор: Идеи и города / Пер. с англ. М.: Strelka Press 2014. — 220 с.
2. Стил К. Голодный город: как еда определяет нашу жизнь / Пер. с англ. М.: Strelka Press 2014. — 456 с.
3. Хан-Могамедов С.О. Конструктивизм - концепция формообразования - М.: Стройиздат, 2003 — 576 с.
4. Хмельницкий Д.С. Архитектура Сталина: Психология и стиль - М.: Прогресс Традиция, 2007 — 376 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТОВ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ОПАСНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПОСЛЕ ПРИРОДНО-ТЕХНОГЕННЫХ АВАРИЙ И КАТАСТРОФ

Ларионова В. А., Платонов А. М.

*Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург*

Ключевые слова: экономика строительства, городская инфраструктура

Развитие общества всегда было связано с серьезными угрозами, порождаемыми хозяйственной деятельностью человека и опасными природными явлениями [1,2,3,4].

При этом статистика природно-техногенных аварий и катастроф и величины ущербов не внушает оптимизма на будущее развитие мирового сообщества [5].

По степени потенциальной опасности отраслей промышленного производства, приводящих к катастрофам в энерго-техногенной сфере гражданского комплекса, можно вы-